

Лилиана КАВАНИ:

«Я чувствую себя личностью»

Москву посетила итальянская гостья Лилиана Кавани! В нескольких столичных кинотеатрах, выходя за рамки XVII Международного московского фестиваля, прошла ретроспектива ее фильмов, включившая и «Ночного портъе», нашумевшего и запрещенного в СССР, и совсем новую работу «Франческо».

— Госпожа Кавани, вы находитесь в стране, где ваши фильмы очень долгое время оставались под запретом. И все же вы здесь. Не любопытству ли вашему в первую очередь мы обязаны?

— Скорее кинокритику Андрею Плахову. Он как-то уверял меня в Берлине, что благодаря «пиратским» видеокассетам мои фильмы неплохо знают в России, что я обязательно должна приехать в Москву. Я послушалась и впервые «тихонечко» посетила страну в мае прошлого года как прилежная туристка. Конечно, мне было очень любопытно. Состоялось очень приятное анонимное знакомство со столицей: я обошла все музеи. Если бы не этот мой приезд, я не была бы здесь сейчас в своей «профессиональной» шкуре, потому как наши газеты воспроизводят образ России слишком «по-итальянски», не вызывая ни малейшего желания туда отправиться. Я же проложила мостик между вами и собой. Так Ромео прокладывал путь на балкон Джульетты.

— Ваше первое ощущение от второго приезда в Москву год спустя в роли известного режиссера?

— Сиюминутного ощущения не было. Оно складывалось уже после встреч с вашими соотечественниками, теми, кто близок к кино профессионально, и теми, кто просто зрители. Удивило, что после премьеры «Ночного портъе» из кинотеатра выходили совсем молодые люди. Меня уверяли, будто в Советском Союзе на эту мою картину будут ходить те, кому за сорок. Кто-то из зрителей просил разрешения меня поцеловать (!). Кто-то признавался, что не все в картине понял, потому что для того, чтобы понять в ней все, нужно посмотреть еще раз.

Вы знаете, я думаю, что за последние десятилетия итальянский кинематограф исчерпал себя настолько, что ему необходимы свежие силы. Кажется, вы — те, кто может нам эти силы дать. Вы и ваша вера в кино.

— Итальянский кинематограф бледнеет. В связи с этим утверждением, как вы оцениваете ваше творчество? Как исключение?

— Я об этом не думала. Я всегда снимаю фильм только для себя. Или, если хотите, внутри себя. Это мой опыт, моя боль, мои откровения, словом — мое интимное бытие. Даже не хочется, чтобы в него проникал чей-то посторонний взгляд. Спустя время, конечно, я начинаю мыслить о своем создании как о снятом фильме. Но оценить его как составную часть общего культурного процесса по-прежнему не в состоянии.

— В этом объяснении, возможно, кроется намек на то, что вы женщина?

— Я и об этом не думала.

— Вопрос можно «вывернуть наизнанку». Он прозвучит конкретнее и банальнее: не считаете ли вы, что вообще занимаетесь мужским делом? Тем более что вашими соотечественниками являются Висконти, Антониони, Феллини, Бертолуччи, Росселлини!

— Я родилась в той области Италии, где женщины выполняли обязанности, обычноверяемые мужчинам. После первой мировой войны на женские плечи легли работы в основных отраслях промышленности. Поэтому мне с детства не внушали: это жен-

ское занятие, это для мужчин. И после окончания университетского курса античной литературы я отправилась поступать в Центр экспериментального кино без всяких сомнений.

Кстати, кто-то мне говорил, что фильм «По ту сторону добра и зла» — тоже мужской, если определять его «половую» принадлежность.

— В самом деле, а что вас заставило взяться за Ницше? Это желание всегда оставаться нетрадиционной или, может быть, осознанная необходимость?

— Я попала в провокацию. Ницше — величайший провокатор! Он заставляет пересмотреть любую выстроенную систему, которая дается тебе с рождения. Он любую привычную законченность, любую данность подвергает сомнению и не то, чтобы разрушает, но освобождает от обязательств принимать ее как нечто неизбежное. Читая Ницше, чувствуешь себя, купающейся в прохладной воде под прохладным ветром.

— Все же что такое ваш фильм «По ту сторону добра и зла»? Картина, снятая по мотивам Фридриха Ницше? Или, может, его автобиография?

— Ни в коем случае не автобиография. Скорее всего я «написала» некоторые свои рассуждения о его работах — так называемые «Заметки о Ницше». И это помогло мне понять очень ясно: основное в жизни — осознание того, что каждый из нас индивидуален. У каждого своя психика, и нельзя комплексовать только оттого, что она отлична от психики других. Это счастье, а не ущербность.

— Ницше раскрепостил вас?

— Нет, просто укрепил в собственных размышлениях об индивидуальности каждого. Чем больше людей дойдут до этого, тем будет лучше. Думаю, что из приходящих в зал на просмотр картины «По ту сторону добра и зла» немногие читали первоисточник. Но, если они увидят хотя бы мое «прочтение», уже хорошо.

— Но вы и этот фильм снимали прежде всего для себя?

— Да. Лишь после того, как работа была закончена, подумала, что, кажется, удалось выступить в защиту философа, который на протяжении многих лет считался посредником фашизма, не был переведен и запрещался. Власть имущие почему-то никогда не могли понять: нельзя запрещать читать, так же, как бесполезно не разрешать думать. Это лишает человека уверенности, что ему многое дано, что он способен быть личностью.

— Кажется, для вас эта способность — главное. Она и послужила, наверное, поводом для обращения к трудам немецкого философа?

— Да, я чувствую себя личностью.

С гостями фестиваля беседовала
Натэла МЕСХИ.